

Судьба «невозвращенца» А. Е. Чичибабина (в свете неопубликованных документов)

В. А. Волков,
кандидат исторических наук

М. В. Куликова
Институт истории естествознания и техники РАН
Москва

«ОТКАЗАВШИЙСЯ ВЫ- ПОЛНИТЬ СВОЙ ДОЛГ»

В канун 1937 г. проходило Общее собрание Академии наук СССР, принявшее постановление лишить Алексея Евгеньевича Чичибабина звания академика. Неделю спустя ЦИК СССР лишил Чичибабина и советского гражданства «как отказавшегося выполнить свой долг перед родиной». Ему был навсегда запрещен въезд в пределы своей страны.

Кто же такой Чичибабин? Чем он провинился перед Россией? Выдающийся химик, первым из советских ученых удостоенный премии им. В. И. Ленина, автор классического учебника «Основные начала органической химии», выдержавшего семь переизданий, организатор отечественной химико-фармацевтической промышленности, активный участник химизации народного хозяйства СССР — и «невозвращенец», отказавшийся вернуться на родину из зарубежной поездки, «продавшийся империалистам за тарелку чечевичной похлебки». «Имена господина Чичибабина и господина Ипатьева, — говорилось в передовице «Правды» от 6 января 1937 г., — получили широкую, но печальную известность... Оба они — старые ученые, получившие профессорские звания еще до революции. По своим взглядам и навыкам они принадлежали к миру капиталистической наживы. Наука была для них источником дохода». Типичные для тех времен огульные обвинения и откровенная клевета скрывали подлинный трагизм судьбы Чичибабина. Сейчас мы

Алексей Евгеньевич Чичибабин
(1871–1945).

располагаем рядом документов, позволяющих восстановить канву событий, которые предшествовали выезде Чичибабина за границу, и проливающих новый

свет на его облик — ученого и человека.

В автобиографии (июнь 1908 г.)¹ Алексей Евгеньевич писал, что он родился в Полтавской губернии, местечке Кузе-

¹ Объединение Мосгорархив (бывший ЦГАОРСС г. Москвы) Ф. 1992. Оп. 1. Д. 46. Л. 39–40.

мине Зеньковского уезда в 1871 г. Окончил классическую гимназию г. Лубны, а затем физико-математический факультет Московского университета, получив при этом диплом первой степени. Поначалу работал практикантом в химической лаборатории Московского университета, лаборантом по химии в Александровском коммерческом училище, ассистентом при кафедре неорганической и аналитической химии в Московском сельскохозяйственном институте. С 1900 г. состоял приват-доцентом Московского университета, а четырьмя годами позднее защитил там магистерскую диссертацию «О продуктах действия галоидных соединений на пиридин и хинолин».

К скуным строчкам автобиографии можно добавить, что Чичибабину с ранних лет пришлось столкнуться с нуждой. Жизнь семьи Евгения Саввича Чичибабина, секретаря земской управы Лубенского уезда, была более чем скромной, а после его смерти — на грани нищеты².

Поступив в университет, Чичибабин поселился в «Ляпинке» — бесплатном студенческом общежитии, о котором красочно рассказал Гиляровский в книге «Москва и москвичи». Давал частные уроки, писал в газеты мелкие заметки о научных заседаниях. Первые научные работы студент Чичибабин выполнил под руководством профессоров В. В. Марковникова и М. В. Коновалова.

Не рассказал в своей автобиографии Алексей Евгеньевич и о том, что поведала секретная справка, обнаруженная нами в фонде Особого отдела департамента полиции. В ней, в частности, говорится, что Чичибабин «в 1890 году, будучи студентом Московского университета, принимал участие в беспорядках в университете, и 9 марта того же года был арестован на сходке во дворе университета, за что был уволен из университета, но вскоре затем вновь был принят. Проживая затем в Москве, Чичибабин был замечен в сношениях с лицами, принадлежащими к проти-

Алексей Евгеньевич с дочерью Наташей.

воправительственным организациям»³. Уже в 1908 г. в квартире Чичибабиных (в 1897 г. Алексей Евгеньевич женился на Вере Владимировне Подгорещкой) производился обыск, при котором была обнаружена запрещенная литература. В 1911 г. А. Е. Чичибабин в числе более чем 100 других профессоров и преподавателей оставил Московский университет в знак протеста против реакционной политики царского правительства в области высшего образования.

Возвращаясь вновь к автобиографии Чичибабина, заметим, что она была написана в 1908 г. в связи с его участием (успешным) в конкурсе на замещение вакантной должности профессора общей и органической химии в Московском техническом училище (позднее МВТУ, с недавних пор — МГТУ). Через год он возглавил кафедру органической химии, позднее его избрали деканом химического отделения, а с 1924 по 1930 г. он был деканом химического факультета МВТУ.

Не будем подробно оста-

навливаться на научных исследованиях Чичибабина (существует подробнейший их обзор с приложением списка всех публикаций⁴), приведем лишь свидетельство его ученика, покойного академика И. Л. Кнунянца: «Чичибабин был химиком необычайно широкого кругозора. Его классические работы посвящены химии гетероциклов. А наряду с этим он был автором изящных исследований свободных радикалов, универсального метода синтеза альдегидов; он разработал способы получения красителей, альдегидов, душистых веществ; изучал кислоты, выделяемые из нефти; развивал своеобразный вариант теории строения, который в свете современных данных вовсе не кажется наивным. Конечно, в двух словах роль Чичибабина в создании современной химии охарактеризовать трудно, список его трудов — это 346 публикаций, хотя работал он, напоминая, в основном своими руками. И если искать в его работах главное, то это, пожалуй, индивидуальность. И по замыслу, и по постановке эксперимента чичибабинскую работу узнаешь, не глядя на титульный лист»⁵.

² Центральный государственный исторический архив г. Москвы. Ф. 418. Оп. 302. Д. 738. Л. 13.

³ Государственный архив Российской Федерации. Фонд департамента полиции. Особый отдел. 1910 г. Д. 59. Л. А., Л. 142—142об.

⁴ Евтеева П. М. А. Е. Чичибабин // Тр. Ин-та истории естествознания и техники. Т. 18. История хим. наук. Ал., 1958. С. 206—356.
⁵ Кнунянц И. Л. Лаборатория у Коровьего брода // Химия и жизнь. 1981. № 6. С. 80.

А. Е. Чичибабин в лаборатории органического синтеза Московского технического училища. Справа — студент П. А. Мошкин (с 1953 г. — член-корреспондент АН СССР). 1914 г.

С началом первой мировой войны Чичибабин обратился к химикам с призывом принять участие в работе по производству медикаментов. Он организовал Московский комитет содействия развитию химической фармацевтической промышленности, при помощи которого в Московском техническом училище была создана алкалоидная лаборатория. В этой лаборатории велась разработка методов приготовления различных алкалоидов (опия, морфия, кодеина, атропина), в другой лаборатории того же училища — технологии получения салициловой кислоты и ее солей, а также аспирина, салола и фенацетина. Созданные усилиями Чичибабина и его сотрудников медицинские препараты спасли жизнь тысячам русских солдат.

Чичибабин принадлежал к числу тех ученых, которые приняли Октябрьскую революцию и активно участвовали в хозяйственном строительстве. С 1918 г. он возглавлял Правление государственных химико-фармацевтических заводов и научный химико-фармацевтический институт, в 1922—1927 гг. был председателем Научно-технического совета химико-фармацевтической промышленности и главным редактором «Государственной фармакопеи» (изложения стандартов и обязательных норм как для медикаментов, входящих в аптечный каталог, так и для препаратов, используемых при их изготовлении). Этот труд, вышедший в свет в 1925 г., сыграл существенную роль в становлении фармацевтической промышленности советской державы.

В 1924 г. Чичибабин осуществил (из уксусного и муравьиного альдегидов в присутствии аммиака) синтез *пиридина* — важного вещества для

получения красителей, пестицидов, лекарственных средств, а также применяемого как растворитель. Ранее, в 1919 г., открыл явление фототропии в ряду производных пиридина. Премии им. В. И. Ленина его удостоили за работы по химии алкалоидов и фармацевтической химии.

В 1927 г. Чичибабин избран членом-корреспондентом, а через год — действительным членом АН СССР.

Исключительно много сил и времени Алексей Евгеньевич уделял преподаванию химии. «Лектором Чичибабин был весьма своеобразным, — вспоминал И. Л. Кнунянц. — На первых лекциях набиралось полным-полно народа, но где-то к середине курса публика заметно редела. Действовал своего рода естественный отбор, Алексей Евгеньевич несколько не заботился об ораторских красотах, быстро стирал с доски формулы — редко кто успевал их списать — так густо насыщал свой рассказ сведениями, а также идеями, нередко возникав-

шими у него прямо на ходу изложения, что выдержать такое мог только слушатель, искренне влюбленный в химию. Поэтому к концу курса нас осталось то ли восемь, то ли девять. И именно нас профессор экзаменовал дольше всех... Вспомнина о своем ученье, думаю, что и эти, казалось бы, сумбурные лекции, и эти многодневные экзамены слагались в довольно эффективную систему, с помощью которой Алексей Евгеньевич добивался самого главного, на что должно было нацелено преподавание. Он развивал у учеников самостоятельное химическое мышление, ориентируясь не на отстающих, не на равнодушных, а на увлеченных, преданных⁶. У Чичибабина был удивительный нюх на будущие таланты. Среди его учеников мы видим многих химиков, внесших выдающийся вклад в развитие мировой науки — Н. Н. Ворожцов, А. В. Кирсанов, П. А. Мошкин, И. Л. Кнунянц, Н. А. Преображенский, П. Г. Сергеев и многие другие. Чичибабин умел привлекать к себе людей. Бывало, за чайным столом среди друзей и учеников, собиравшихся у него почти каждую субботу, беседа о научных новинках или исторических событиях, он точно указывал номер и страницу русского или иностранного журнала, где была напечатана та или иная заинтересовавшая его статья. А. В. Кирсанов работал под руководством Чичибабина вплоть до его отъезда из СССР и стал крупнейшим в мире специалистом в области химии фосфор- и сероорганических соединений, автором реакций, носящих его имя.

Совместно с другим своим учеником Н. А. Преображенским Чичибабин произвел синтез и установил строение пиллопоновой кислоты и пиллокарпина, нашедшего широкое применение, вплоть до нынешнего дня, в качестве лекарственного средства при лечении глаукомы.

В 1930 г. в жизни Чичибабина произошли трагические события. У Веры Владимировны и Алексея Евгеньевича долго не было детей, и когда 7 февраля 1910 г. родилась дочь Наташа,

⁶ Там же. С. 79—80.

Чичибабину уже было под сорок. Наташа мечтала стать химиком, и в 1927 г. после окончания школы поступила на химический факультет МВТУ. Весной 1930 г. ее направили на производственную практику на Дорогомилловский химический завод, в цех, где проводилось сульфирование нафталина. Эта реакция идет при 180°C под давлением. По случайному недосмотру произошла нелепая авария — горячую массу, состоящую из олеума, нафталина и продуктов реакции, выбросило в помещение... Цех окутался едким туманом, Наташа поскользнулась и упала навзничь в лужу олеума. Через два дня она умерла от ожогов. Потрясенные родители не могли справиться с горем.

В том же, 1930 г. А. Е. Чичибабин, получив отпуск для поездки во Францию, остался там до конца своих дней. Он скончался в Париже 15 августа 1945 г. в возрасте 74 лет.

После отказа Чичибабина вернуться в СССР некоторые из его учеников подверглись репрессиям за связь с «врагом народа». П. Г. Сергеев с 1938 г. находился в заключении, где под его руководством группа химиков, также выпускников МВТУ (Р. Ю. Удрис и Б. Д. Кружалов) и выпускник Ленинградского политеха М. С. Немцов разработали метод совместного получения фенола и ацетона через изопрропилбензол (кумол), который ныне именуется «открытием века» в области органической технологии. Они были выпущены на свободу лишь в 1946 г., когда потребовалось внедрить метод, что ими и было сделано — первое в мире производство началось в Дзержинске в 1949 г.

О пребывании Алексея Евгеньевича на чужбине сохранилось крайне мало сведений. Известно, что он работал в Париже, в лаборатории фармацевтической химии Пастеровского института, руководимой Э. Фурно. Чичибабини занимали очень скромную квартиру и вели уединенный образ жизни. Из американского русскоязычного «Нового журнала» можно почерпнуть глухие сведения, что в начале 1941 г. с Чичибабиным якобы возобновлялись переговоры относительно его возвращения. Но началась война. Он

болел за судьбу родины и остро переживал свой отрыв от нее в эти опасные дни. В последние годы он работал над окончанием книги, содержавшей обзор всего нового, что сделано со времени выхода его классического курса органической химии. Предполагал продолжить исследования в области синтеза хирина, пиридина. «По временам,— писал автор, не раскрывший своего имени,— его лицо освещалось теллой улыбкой, когда он узнавал что-нибудь хорошее про Россию»⁷.

Почему предпринимаемые руководством Академии наук попытки вернуть Чичибабина в СССР не увенчались успехом — видно по публикуемым ниже письмам.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. Е. ЧИЧИБАБИНА С АКАДЕМИЕЙ НАУК СССР

Н. П. Горбунов —
А. Е. Чичибабину

21 февраля 1936 г.

Многоуважаемый Алексей Евгеньевич, Вице-президент Академии Г. М. Кржижановский передал мне Ваши письма ему с просьбой ответить Вам.

Прежде всего, должен официально уведомить Вас, что Академия наук ни одним своим актом не освобождала Вас от должности заведующего лабораторией по исследованию и синтезу растительных и животных продуктов. Но Вы сами хорошо понимаете, что нельзя из Парижа фактически руководить лабораторией, находящейся в Москве, будучи оторванным от нее в течение 5 лет. <...> Мы знаем, что лаборатория продолжает начатые Вами важные работы, знаем и ценим их, в частности по синтезу пиллопоновой кислоты, явившиеся основой для дальнейшего синтеза пиллокарпина. Лаборатория имеет также и ряд совершенно новых достижений, например по раз-

⁷ М. В. П. Академик А. Е. Чичибабин // Новый журнал (Нью-Йорк), 1946. № 2. С. 285—286.

решению проблемы получения антималярийных препаратов отебрин-акрихина. Однако эти достижения были бы, вероятно, более значительными и сама лаборатория получила бы гораздо большее развитие, чем сейчас, если бы Вы ею непосредственно руководили и сами в ней работали.

Вы являетесь гражданином СССР, крупным ученым, действительным членом Академии наук СССР и нужны нашей стране. По поручению Академии наук позвольте мне поэтому поставить перед Вами вопрос и просить прямого, ясного и откровенного ответа: считаете ли Вы себя обязанным целиком работать для своей родины — Советского Союза, для усиления его мощи и процветания и, если считаете, то готовы ли Вы немедленно сделать из этого практические выводы?

Вопрос этот является законным, потому что Ваш добровольный отрыв от нашей родины принял слишком затяжные формы. Если да, то Вы должны безотлагательно вернуться в СССР и доказать это самой работой, приступив к исполнению прямых обязанностей, как директор вверенного Вам научного учреждения и как действительный член Академии наук.

В противном случае, Академия наук и, вероятно, вся страна должны будут сделать свой вывод о Вашем к ним отношении.

Разумеется, в случае Вашего возвращения Академия наук примет все меры к созданию для Вас благоприятных условий по научной работе и в бытовом отношении.

В ожидании скорого извещения о Вашем решении и с надеждой на скорое Ваше возвращение.

Непрерывный секретарь Академии наук Н. П. Горбунов (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 8. Л. 6—6 об.)

А. Е. Чичибабин —
Н. П. Горбунову

24 июня 1936 г.

Многоуважаемый
Николай Петрович,

Пишу Вам не скоро <...> мои нервы были еще сильно потрясены <...> и я долго не

чувствовал себя в состоянии ответить достаточно спокойно. <...>

Но перейдем к основному, теперь для меня единственно важному вопросу о моем возвращении.

Я думаю, Вы должны признать, что Ваше письмо не могло содействовать его разрешению.

Позволяя себе сделать отступление персонального характера, мне было прискорбно, что такое письмо написали Вы, человек, к которому я хорошо относился и к которому я и теперь сохраняю доброе чувство, я сохраняю благодарность к Вам лично и Комитету Химизации, как единственному учреждению, кроме МВТУ, оказавшему существенную помощь в моей научной работе. Не изменяют моего отношения и Ваши угрозы, несмотря на то, что они доставили мне много огорчения, т. к. считаю, что они не вытекают у Вас из дурного источника.

Коренной ошибкой при Вашем обращении ко мне, как и при некоторых других обращениях из Москвы, является представление обо мне, как о том человеке, каким я был до 1930 г., т. е. как о человеке, полном сил и энергии, с выдающейся работоспособностью, с упорством и настойчивостью в достижении намеченных целей.

На самом же деле, тот ужасный удар, который поразил меня и мою жену 5 лет назад, настолько ослабил мою жизнеспособность, что я быстро превратился в старика, в значительной степени утратившего и интерес к жизни.

Этому содействовало и прогрессирующее ослабление зрения (катаракт). Моими жизненными стимулами остались уход за женой, после нашего несчастья постоянно хворающей, и экспериментальная научная работа. Последняя позволяет забывать окружающее, а ее успехи дают некоторое удовлетворение.

И в прежнее время я мало стремился к внешним почестям. Теперь я их расцениваю еще ниже. Во всяком случае, стимулом для работы внешнее признание ее успехов для меня не является. Я знаю, в какой мере успехи даются

рекламой и высоким официальным положением. Мало интересуется меня и суд истории, т. к. я давно пришел к убеждению, что история в громадном большинстве случаев есть лишь закрепление на долгое время несправедливости современников.

Беда моя в том, что работать теперь я могу лишь в спокойной обстановке, при отсутствии внешних беспокоящих событий. При наличии последних я теряю равновесие и делаюсь мало работоспособным. Лишь заботы о большой жене давали мне возможность пережить такие моменты. Я думаю, что с моей стороны не будет преувеличением сказать, что в течение моей жизни я много и бескорыстно, т. е. не из-за денег или почестей, работал для своей родины. Желание работать для нее сохранилось по настоящее время. Отрыв от родины для меня тягостен, тем более что в здешней жизни я не нахожу ничего, что бы меня привлекало и привязывало. И если я до сих пор не вернулся на родину, то это лишь потому — позволяю себе сказать совершенно откровенно, — что я мало верил в возможность найти для себя там обстановку, при которой я, в моем теперешнем состоянии, остающийся немногие годы своей жизни мог бы провести в спокойной и плодотворной работе. И в настоящее время я опасаясь, что я буду принужден потратить свои последние жизненные силы, добиваясь возможности работать.

В России, а позднее в СССР я истратил на это значительную часть своих сил. Своей малой склонности к рекламе я приписываю то обстоятельство, что для научных работ я всегда получал лишь крохи, тогда как львиная доля всегда предоставлялась людям, умеющим много обещать, часто, очевидно для меня, бессильным исполнить полностью свои обещания. Даже в самые последние годы моего пребывания в СССР, когда, казалось, я был общепризнанным большим ученым, для своих работ я имел архаическую лабораторную обстановку, тогда как другие получали дворцы и много валюты для приобретения современной

литературы. Тот год, когда я имел неосторожность взять на себя директорство в Научно-химико-фармацевтическом Институте, соблазненный обещанием дать мне возможность широко развить работы, был особенно бесплодным в этом смысле. Затратив много сил для упорядочения дела, я получил в начале нового сметного периода кое-какие новые сметные ассигнования. Казалось, налаживалось дело и с новым зданием. Но к концу сметного периода от этого всего не осталось ровно ничего. Позднее другие сумели получить гораздо больше, чем я просил.

6 Академии мои доклады о работах получили солидное признание их ценности, но никакой реальной поддержки от этого не получилось. И здесь самые скромные надежды в начале сметного периода кончились для меня разбитым корытом в конце его. По-прежнему деньги для работ я должен был добывать с Кацнельсоном в качестве толкача от хозорганов. И по-прежнему львиную долю их надо было тратить на побочные для Лаборатории технические работы, а на долю исследовательской работы оставались по-прежнему жалкие крохи при жалкой обстановке.

Блестяще начатые еще до революции работы с нефтяными кислотами, которые при надлежащем развитии могли бы дать ряд ценных для СССР результатов, не получили никакой поддержки и практически заглохли. Мои скромные ходатайства о поддержке, вероятно, не сохранились в соответствующих учреждениях даже под сукном, куда их обыкновенно укладывали. И немецкий ученый (Браун) имел большой успех, сделав часть из намеченных мною работ, тогда как, смею утверждать, при благоприятных условиях мы бы к этому времени успели сделать гораздо больше.

Еще более блестяще были начаты исследования дубильных экстрактов, работой с экстрактами бадана. Работы эти не только не получили поддержки, но и людской материал, приобретенный ценные навыки в этом деле, принужден был рассеяться. И от моей гордой мечты создать в СССР столь нужную для него

школу исследований дубильных веществ остались лишь рожки да ножки.

Мои работы по алкалоидам до такой степени мало пользовались поддержкой, что, вероятно, почти никто уже не знает, что родоначальником производства алкалоидов в СССР являюсь я; и думаю, что и история не вспомнит этой моей роли; а страна, не проявившая своей благодарности поддержкой работ нашей лаборатории, не вспомнит и не проявит благодарности и в будущем.

Работа не заглохла благодаря контактам с хозяйственными предприятиями. С благодарностью вспоминаю небольшую по количеству средств, но существенную по принесенной пользе поддержку Комитета химизации. Поддержки учреждений, руководящих научными исследованиями, до моего отъезда практически не было. Целый ряд моих заветных мечтаний в области синтеза алкалоидов должен был откладываться из года в год. Сейчас небольшая их часть, в виде синтеза пилокарпина, выполнена Н. Преображенским, опубликовавшим его, противно всем приличиям, без моего имени, а тяжесть руководства этой работой даже «взвалил на себя» Кацнельсон.

И все же, оглядываясь назад, я имею право сказать, что, несмотря на отсутствие поддержки, я сделал много. Правда, я совершенно убежден, что родился я в Германии, Англии, С. Штатах или Франции, я сделал бы гораздо больше, так как нашел бы более своевременную оценку и поддержку.

Теперь я стар, у меня разбиты нервы. Хотя я чувствую, что могу еще сделать в науке кое-что ценное, но для этого совершенно необходимо спокойствие и хотя бы скромная, но современная обстановка для моих научных исследований.

В первые годы моего пребывания здесь я обращался на родину с просьбами о материальной поддержке. Почти все мои просьбы не только не получили удовлетворения, но даже остались без ответа. Без ответа остались и мои пожелания найти здесь работу для СССР.

Теперь я нашел здесь, на чужбине, скромные, но достаточные условия для научной работы, более спокойные и при всей скромности даже более удобные, чем те, которыми я располагал в СССР.

Понемногу я начал, не без успеха, осуществлять мои вышеупомянутые мечты.

Меня тянет на родину. Мне мешает и очень тяготит необходимость тратить время для заработка. Меня тяготит и необходимость думать об имеющем наступить, быть может довольно скоро, «черном дне»; я по-прежнему хотел бы быть полезным родине.

Но какой смысл не только для меня, но и для СССР, если остаток своей жизни я истрочу, хотя бы и на родине, на усилия добиться возможности работать? Не лучше ли не только для меня, но и для Академии и для страны, если я сделаю здесь еще несколько ценных научных работ? Реальная возможность этого есть, все, чего я желаю от жизни и чего я прошу.

Очень не хотелось бы, чтобы мои слова об отсутствии в прошлом достаточной поддержки моим работам были поняты как выражение обиды, на какое-то толкование, конечно, найдется много охотников. Этого чувства и раньше практически не было (в последние годы жизни в СССР я неоднократно говорил близким мне людям, что я считаю себя одним из самых счастливых людей в СССР). Теперь оно исчезло под влиянием философии старчества. Дело — прошлое, и обижаться на него теперь так же бессмысленно, как обижаться на камень, некогда свалившийся на голову. Но факты остаются фактами. Я бы только очень не хотел их продолжения по возвращении на родину.

Если «страна» так мало ценит мою работу и теперь, чтобы предоставить мне не словесные обещания и притом, в большинстве случаев, лиц, не имеющих силы гарантировать исполнение своих добрых намерений (простите мой старческий скептицизм), не готовы условия для немедленного продолжения мною работ, я прошу оставить меня здесь.

Если при этом она не на-

ходит моей работы достаточно ценной, чтобы помочь мне тратить свои силы исключительно на научную работу,— пусть не тратится на это. Пусть предоставит мне возможность доживать свой век и работать, как я захочу и сумею. Я — того мнения, что этого минимума я заслужил и своей жизненной работой, и по возрасту, и по состоянию здоровья.

О том же, что «страна»

не оценивает моей работы очень высоко, свидетельствует возможность имеющегося в Вашем письме сравнения моей работы с работой одного из самых научно ничтожных моих учеников <...>.

Но, если, в конце концов, «страна» пожелает заняться добиванием никому не делающего вреда старика, всю жизнь бескорыстно — не из-за денег и не из-за почета — работавшего на

пользу страны,— пусть это делает. И это меня не удивит, так как справедливости на свете нет и никогда не будет.

По чистой совести, только не понимаю, кому и зачем это нужно?

Остаюсь с неизменным уважением

А. Чичибабин

(Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 8.
Л. 6 об.— 11.)